

Виктор Пронин

Ловушка для убийцы

*Часть сборника
Слишком большое сходство
(сборник)*

Ксенофонов и Зайцев

Виктор Пронин
Ловушка для убийцы

«ЭКСМО»

1994

Пронин В. А.

Ловушка для убийцы / В. А. Пронин — «Эксмо»,
1994 — (Ксенофонов и Зайцев)

«Ксенофонов еще раз окинул взглядом свой очерк, напечатанный на второй полосе, оценив его расположение, название, полюбовался размером. И откинулся на спинку стула, чтобы солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву деревьев, упали ему на лицо. Усы Ксенофопова на солнце отливали медью, в комнате пахло типографской краской от свежего вороха газет, и в каждой был его очерк о таксисте Апыхтине, который не только доставляет пассажиров по адресу, но и сдачу, случается, отсчитывает, может даже помочь выставить чемоданы из багажника...»

Виктор Пронин

Ловушка для убийцы

Ксенофонтов еще раз окинул взглядом свой очерк, напечатанный на второй полосе, оценив его расположение, название, полюбовался размером. И откинулся на спинку стула, чтобы солнечные лучи, пробивающиеся сквозь листву деревьев, упали ему на лицо. Усы Ксенофонтова на солнце отливали медью, в комнате пахло типографской краской от свежего вороха газет, и в каждой был его очерк о таксисте Апыхтине, который не только доставляет пассажиров по адресу, но и сдачу, случается, отсчитывает, может даже помочь выставить чемоданы из багажника.

«Да, хороший человек этот Апыхтин, и слава им вполне заслужена. Глядишь, подбросит как-нибудь в неурочный час, чего не бывает», – корыстливо подумал Ксенофонтов, и рука его привычно потянулась к телефону.

- Следователя Зайцева, пожалуйста!
- Его нет. Позвоните позже.
- Обедает? – ревниво спросил Ксенофонтов.
- Он на задании.

– Очень важное задание? – озабоченно спросил Ксенофонтов. Но собеседник шутить был не намерен, и в трубке раздались частые пренебрежительные гудки.

Положив трубку, Ксенофонтов так и остался сидеть, не снимая руки с телефона. И хотя за последнюю минуту в мире ничего существенного не изменилось, Ксенофонтов, как и прежде, сидел в белой рубашке с закатанными рукавами, нарядно осыпанной солнечными зайчиками, а ус его был любовно зажат в зубах, благодушное настроение уходило из него, как воздух из проколотого мяча. Ксенофонтов остро ощутил уязвленность. Где-то рядом происходят события, решается чья-то судьба, а он ничего не знает, ничто от него не зависит, никому он не нужен.

Он вспомнил, что и вчера не разговаривал с Зайцевым, а несколько дней назад, когда удалось поймать друга по телефону, голос у того был какой-то нервный, нетерпеливый, Зайцев отвечал невпопад, если не сказать с раздражением. Пожалуй, все-таки с раздражением, подумал Ксенофонтов, чтобы ощутить обиду сильнее.

Почему-то вспомнилась девушка, которая не пришла к нему на свидание в позапрошлом году, более того, вышла замуж за алкоголика, любит его поныне, а на Ксенофонтова при встрече смотрит без всякого сожаления. Обидно. Вспомнилась двойка, которую с непонятым наслаждением влепила ему учительница математики лет пятнадцать назад. Она случайно услышала, как он сказал приятелю, что не сделал урока, и вызвала его к доске. Ксенофонтову до сих пор было горько, потому что учительница вызвала его лишь для того, чтобы уличить в незнании. Теперь-то он понимал, что поступила она в полном противоречии с учением знаменитого педагога Сухомлинского.

– Так, – протянул вслух Ксенофонтов, складывая газету. – Вот, оказывается, какие мы... Лучшие друзья таятся и не могут сказать душевное слово. Да, мы готовы признаться в суевериях и невежестве, дескать, дурного глаза боимся, нечистой силы остерегаемся и потому молчим. На самом деле – своих же друзей опасаемся. Не брякнуть бы лишнего, чтобы не выдали тайну твою заветную, надежду трепетную, не пустили бы по миру твои сомнения, мысли твои крамольные, страхи ночные. А то, глядишь, выводы кто нехорошие сделает, вопрос задаст строгим голосом. И нечего тебе будет ответить, нечем оправдаться, поскольку вопрос-то задается не для того, чтоб ты отвечал на него, а чтоб осознал свою зловредность и приготовился к испытаниям. Да и наши страхи сделались настолько привычными, что не видим мы в них безнравственности, а свою осторожную замкнутость объясняем мужественной сдержанностью, и даже готовы восхититься собой и преклониться перед собственным обликом. А вот обме-

няться с другом услышанным, понятным, тем, что озарило тебя, – кажется противоправным, будто не друг перед тобой сидит, которого знаешь с детского сада, а матерый шпионище с ампулой цианистого калия, вшитой в воротник, враг с бесшумным пистолетом за поясом и тайным номером, выколотым под мышкой и заросшим там густыми зловонными волосами... – продолжал расковыривать в себе обиду Ксенофонтов. – А если и появляются друзья, то только для того, чтобы убить время, убить здоровье, посмеяться над анекдотом о несчастном муже, вернувшемся из командировки совершенно некстати, да похлопать друг друга по оплывающим плечам...

Обида все глубже просачивалась в душу Ксенофонтова, и он даже вздрогнул, когда неожиданно громко прозвенел телефонный звонок.

– Да! – сказал он недовольно, поскольку ценил свои обиды и расставался с ними неохотно.

– Привет. Ты меня искал?

– Зайцев?! – счастливо воскликнул Ксенофонтов и мгновенно забыл о том, как горько ему живется. – Ну, старик, я уже начал беспокоиться! Может, думаю, тебя насквозь прострелили, может, думаю, в жизненно важных местах...

– Пока не продырявили, но до полного отошания довели.

– Все понял! Встречаемся через десять минут в вареничной!

– Не возражаю! – сказал Зайцев и бросил трубку. Это Ксенофонтов увидел четко – следователь не положил, а именно бросил трубку, кому-то на ходу махнул рукой, посмотрел на часы и выскочил в дверь. Иначе он не поспел бы за десять минут в вареничную.

«А все-таки друзья остаются друзьями, несмотря на жестокие жизненные неурядицы, обиды и недоразумения, – успокоенно подумал Ксенофонтов. – И ни слава их не может разлучить, – он взглянул на свой очерк, – ни самые опасные преступления».

В вареничной стоял влажный и горячий запах распаренного творога, картофельного пюре, вареного теста. Озабоченные посетители шарили глазами в поисках свободного места за алюминиевыми столиками с голубым пластмассовым верхом, бегали в моечную за вилками и ложками, ополаскивали стаканы у раковины. Распаренные, как вареники, женщины недовольно покрикивали на них из кухни, поддавали ногами какие-то тряпки, а оробевшие посетители отворачивались, стараясь не видеть ни самих женщин, ни масляного пола, ни сумрачных внутренних помещений вареничной.

Ксенофонтову до прихода Зайцева не без труда удалось взять две порции вареников, четыре компота и занять места у наглухо заколоченного и задернутого сероватыми гардинами окна. Маленький худощавый Зайцев быстро протискивался между столиками, сел перед Ксенофонтовым, шумно вздохнул.

– Кажется, впервые за трое суток поем горячего!

– Это хорошо, – кивнул Ксенофонтов. – Горячее полезно для здоровья.

– Полезно! – хмыкнул Зайцев. – Тут бы выжить.

– Теперь выживешь. Только это... Жевать надо старательно. Не заглатывай пищу, как кондор. Ты вот не читаешь нашу газету, а напрасно. Недавно мы напечатали заметку о том, что кондоров осталось на земле совсем немного. Вымирают. Полагаю, это оттого, что пищу заглатывают, не прожевывая.

– Обязательно учту, – проговорил Зайцев с набитым ртом. – А газету твою я иногда просматриваю. Сегодня вот про хорошего человека Апыхтина прочитал...

– Да? И как?

– Очень трогательно. Не скажу, чтобы прослезился, но прочел с большим интересом. Этот твой машинист...

– Таксист, – отрешенно поправил Ксенофонтов.

– Ах да! Извини. Я со своими хлопотами... Но о них не будем!

– Тайна?

– Службная! – Зайцев значительно поднял вверх указательный палец. – Но ничего нового, поверь. Старо как мир. Кровавая история. Но это не для разговора за варениками.

– Преступника задержали?

– Даже двух, – сокрушенно ответил Зайцев. – Убивал один, а задержаны двое.

– С перевыполнением идешь, – одобрил Ксенофонов. – На двести процентов. В ударники выбьешься, женишься, на свадьбу пригласишь, я надену свой новый костюм, познакомлюсь с подругой твоей жены... Растешь, старик. Это хорошо.

– Ничего хорошего. Знаешь, что сказал Петр Первый? Лучше десять виновных освободить, нежели одного невиновного к смерти приговорить.

– Значит, один из задержанных невиновен? – ужаснулся Ксенофонов.

– Совершенно верно.

– Это ты зря. Невиновного нужно отпустить. Слышишь? А то могут быть неприятности.

– Эх, Ксенофонов! Всего два дня я потратил на то, чтобы раскрыть преступление, провести экспертизы, очные ставки, собрать доказательства и наконец выйти на двоих. Убил один из них, это я выяснил, да они и сами не отрицают. И все за два дня. Но вот уже три дня я пытаюсь узнать – кто же из них убийца? Кто из этих двоих?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.